

У КОСТРА

Лирическая новелла

поэт

Под сводом раскидистой вербы кто-то недавно разводил костер. Место завидное для ночного костра и палатки. Высокий пологий берег, приметная тропинка пробита к самой воде. Родниковый ерик Грачи, наверное, самый приметный в Волго-Ахтубинской пойме. В затуманенных омухах живут-поживают помилосердные Лукониным сазаны. Набрав побольше сушняка, попробуем на этом заповедном месте разжечь новый костер...

Кажется, вот затрепещит внизу кустарник, послышатся тяжелые шаги, в свете костра появится Михаил Кузьмич Луконин. Высветит пламя чуть скуластое смуглое лицо, зорко прищуренные глаза.

К ночному костру он подходил позже всех, до последней световой минуты дожидаясь своего рыбацкого счастья. Но удача часто откладывалась на завтра.

Утренний ветерок разорвал на воде зоревое покрывало, солнце уже просвечивало сквозь крышу старой водоканчки. Над душами пойменными травами застрекотали стрекозы. Наладив удочки, Луконин искоса поглядывал на неподвижные поплавки, покуривал. Ожидая своего сазана, крючки опускал на предельную глубину, чтобы мелкая рыбешка не отвлекла. Иногда подолгу перестраивал необыкновенные рыбацкие снасти, привезенные из Сингапура, на обыкновенного линька. Другая подводная публика его не интересовала. В брезентовой куртке, простецкой кепке он сидел долгие часы неподвижно. Известный поэт, он был похож тогда на обыкновенного волжского мужичка. Его не отвлекали, не заводили пустопорожних разговоров.

Но в то утро он появился у палаток совсем неожиданно. Несколькими минутами поправил прихушенный костер, и вдруг послышались строки:

— Я люблю зверье,
Увидишь собачонку —
тут у булочной одна —
сплошная плешь —
из себя
и то готов достать печенку.
Мне не жалко, дорогая,

есть!..
Луконин поднялся во весь рост, смахнул в сторону дымок от сигареты, добавил:

— Пронзительные строки...
Изумительный, великий поэт!..

Так неожиданно, но так естественно выплеснулась его мысль в той утренней разногласной зеленой аудитории о великой человечности Маяковского. Эти слова, сказанные в самой глу-

бинке его волжской родины, были обращены ко всему прекрасному, вечному. Ко всему, что называется нетленным, звенящим словом — жизнь!

Был потом еще луконинский костер. Не помню, какой по счету. Только что он вернулся из поездки в составе писательской делегации в Западную Германию. Августовским поздним вечером мы собрались под той же, чуть пожелтевшей вербой. На этот раз на огонь костра завернул и хозяин этой земли — директор совхоза «Ленинский» Анатолий Егорович Сахнов. Приткнув «газик» в заросли камыша, он помогал готовить вечернюю уху. Михаил Кузьмич, не доверявший такое ответственное дело никому, на этот раз священнодействовал над каким-то куском ржавого железа. Подобрали его по пути в развалинах заповедника — городища «Сарай-Берке», бывшей столицы «Золотой Орды». Кто-то из нас убедил поэта, что он держит в руках обломок меча. Теперь он остервенело очищал от ракушечной накипи редкую добычу. Пожалуй, как никто, ценил он натуральное железо. Сковородки, утюги, топоры покупал на воскресных базарах у цыган — мастеров кузнечного ремесла. Азартно собирал старые амбарные замки, долго отмывал в керосинчике, смазывал, постукивал, пока они не начинали работать щелкать.

Собирали Луконин и осколки на своей родной, начиненной железом сталинградской земле...

— В последней поездке эти

осколки мне очень пригодились, — неожиданно сказал Михаил Кузьмич, отложив в сторону очередную находку...

И рассказал, как ему довелось побывать на крупном западно-германском металлургическом заводе Круппа. В цехе перед началом встречи Луконин вынул из кармана плаща горсть поржавевших осколков с Мамаева кургана и раздал их окружающим его людям: «Вот, возвращаю эти останки фашистских бомб и снарядов, извлеченных из сталинградской земли. Возможно, они и с вашего завода. Передайте хозяевам их, что мы не советуем «разбрасывать» свою продукцию... Пусть осколки эти напомнят им недавние уроки истории...» Рабочие поняли это, и раздались аплодисменты...

...Но, конечно же, у Луконинского костра не раз возникали и горячие споры-разговоры о поэзии, о том, что она несет людям. И естественно, о творчестве молодых поэтов.

В те годы он часто приезжал в родной город. С волнением готовился к каждой литературной встрече. Однажды после длительной поездки по области из захал домой, чтобы переодеться. И только тогда пошел в Дом печати, где находилась местная писательская организация. Пояснил: «Сегодня пишу рекомендацию для вступления в Союз писателей молодому поэту, так дайте, друзья, лист самой хорошей бумаги... Пусть запомнится этот день человеку, вступающему в нашу страну поэзии».

...По улицам города, который любил ревниво и нежно, Луконин гулял по ранним утрам. И при этом одевался так, будто шел на свидание с юностью. Однажды на волжской набережной подошли к нему сверхмадные по тем временам подростки, долго крутились вокруг него, поглядывая на луконинские трехцветные носки и остроносые туфли. «Инглиш?», «Франс?» — пытались заговорить. Луконин что-то невразумительно мычал в ответ. Молодые люди не отходили... Тогда он поманил их пальцем и добродушно, даже задумчиво сказал: «С Быковых хуторов я, ребяташки... Небось и не слышали про такие?!» И долго еще говорил с паренками. Думаю, о чем-то самом важном, напевшем — вид у ребят был очень уж смущенный!..

НЕ У НОЧНОГО КОСТРА — на семинаре молодых писателей в Волгограде он как-то сказал: «Поэзии служить надо верой и правдой... К ней каждый раз, как на свидание, надо идти — в самой белоснежной сорочке своей души». И еще, помнится, говорил по другому случаю: «Придет время, и мы не будем, вероятно, злоупотреблять эпитетами «видный», «знаменитый» или какой-то другой поэт. Есть только одно: поэт — или не поэт!»

Михаил Луконин был поэтом. И в жизни. И в книгах. Он был преданным рыцарем и солдатом поэзии. Первую его книгу «Стихи дальнего следования» в гранках разметала авиабомба, угодившая в типографию «Сталинградской правды». Но он шел и шел на свидание к своей Поэзии, шел влюбленно и мужественно через две войны — с белофиннами и Отечественную... В его солдатском «ранце» хранились наброски стихов и поэм, за которые потом поэт был отмечен самым высоким признанием Родины. Не сразу состоялось это свидание. Но состоялось!

...Настоящее мужество человека, видимо, заключается в том, как он не показывает окружающим своего плохого настроения или даже недуга. Сколько помню — от личности Луконина всегда излучались уверенность, оптимизм, сила. От него жалоб не слышал никто. А ему иногда жаловались, даже мужчины. И, будучи человеком великодушным, Луконин тогда старался поспособствовать, чем-то помочь.

И все-таки один-единственный раз он высказал свою боль. В сентябре 1975 года в его

квартире собрались товарищи, земляки. Потом почти все разошлись, и вдруг он сказал: «Останьтесь-ка... Поговорить надо...»

Вечерело... Вышли на балкон. Дохнуло великой рекой, свежестью, ветром. В золотистых сумерках, казалось, рядом, только протяни руку, медленно уходи красавцы теплоходы на Астрахань, Ростов, Москву.

— Михаил Кузьмич, так что же вы хотели сказать?

Он помолчал.
— Посмотри, как красиво уходят. Далеко идут... Так будет всегда...

Вдруг улыбнулся, невесело, чуть виновато:

— Так вот, хочу быть парходом...

В этот момент у местной пристани лихо развернулся еще довоенный буксир, пахнул нефтяным дымком, хрипло проголо...

— Михаил Кузьмич, а буксиром быть не хотите? — решили перевести в шутку, развеять его настроение собеседники.

— Можно и буксиром... Это тоже неплохо... Совсем неплохо... — уже веселее улыбнулся Луконин.

В такой вот форме он выразил боль своего большого натруженного сердца. А вскоре его не стало... Но на луконинский костер все так же собираются поэты из Волгограда, из Москвы.

...И вдруг летом 1981 года на адрес Волгоградского дома литераторов имени Михаила Луконина мы получили телеграмму с верховьев Волги: «Буду на рейде Волгограда 5 июня 10 часов утра. С приветом Михаил Луконин».

Ее послал капитан нового океанского сухогруза Леонид Коробков. А утром на рейде напротив центральной набережной стоял гигант в океанской окраске с надписью на бортах и рубке: «Михаил Луконин». Мы встретили команду сухогруза, она побывала в квартире-музее поэта, в писательской организации капитану вручили подарок — библиотеку в дальнюю дорогу. А потом «Михаил Луконин» снялся с якоря и в последний раз прошел мимо окон пятиэтажного дома, где жил и работал поэт, написавший проникновенные строки:

— Волга — Родина,
прости слова восторга,
И прости меня за все,
что умолчал.

Я живу тобой,
плыву тобою, Волга,
Знаю твердо —
ты последний мой причал.

Миновал канал Волго-Дон, Черное и Средиземное моря, «Михаил Луконин» ушел к месту своей новой жизни и работы — на Дальний Восток. В просторы Тихого океана, как в просторы океана Поэзии.

ВОЛГОГРАД.